

Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект)

Тимошенко А.А.

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры
Академии Генеральной прокуратуры РФ,
заместитель главного редактора
«Российского журнала правовых исследований»
E-mail: antimi@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования категории разумного в науке и практике уголовного судопроизводства. Предлагается не допускать формализации уголовно-процессуальной деятельности.
Ключевые слова: разумность, уголовное судопроизводство, формализм в праве

Разумность человека, а точнее, его разумное поведение является предметом исследования множества наук: как естественнонаучного цикла, так и гуманитарного. Однако не вызывает сомнения, что пальма первенства здесь принадлежит все-таки «царице» наук — философии. Отношение субъекта к объекту познания, определение пределов свободного творческого поиска философа, внутренняя непротиворечивость философской картины — все эти проблемы невозможно раскрыть без внимательного изучения категории разумного. Можно смело утверждать, что практически каждый мыслитель использовал или использует этот термин для обоснования своей позиции. Многие древние религии связывают зарождение мира с появлением некоего разума — активного порождающего начала, целесообразность, справедливость и, наконец, разумность действий которого не могут быть подвергнуты сомнению.

Заслуга в глубоком раскрытии содержания категорий «разумный», «разумность» принадлежит таким мыслителям, как Гераклит (теория логоса как разумного закона, управляющего всем мирозданием), Аристотель (разумная необходимость этических обязанностей человека, метафизика), Фома Аквинский (сравнение разумного и сверхразумного (божественных установлений)), Джордано Бруно (соотношение разума и действительности), Джон Локк (разумность как свойство взрослого человека приобретать идеи в качестве содержания собственного разума), Дэвид Юм (теория разумного эгоизма), Иммануил Кант (концепция чистого разума) и многие другие. Можно утверждать, что философские рассуждения от помешательства отличает наличие в них разумности, внутренней непротиворечивости, способности объяснить внутреннее устройство окру-

жающего мира и определить место человека в нем¹.

Семантическое значение слова «разумный» обусловлено однокоренным существительным «разум» и находится в производной связи от него². Разум же есть способность человека логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания, ум (как интеллект и как умственное развитие)³. Кроме того, к синонимам прилагательного «разумный» относят такие качества, как здравомыслящий, осмысленный, целесообразный, рациональный, резонный⁴.

Можно сказать, что разум обуславливает такое поведение его носителя, которое согласуется с особенностями окружающей обстановки. За тысячи лет применения этого термина, с учетом достаточно широких возможностей его толкования, разумом наделялась деятельность не только отдельного человека, но и социальных групп (от нескольких человек до целых народностей и народов).

Разумное, по мнению прославленных историков, сопровождает исторические процессы, позволяя одним народам выживать в сложных геоэкономических реалиях, а другим — кануть в лету⁵. Не случайно филосо-

¹ Именно так основную задачу философии определяют И.И. Кальной и Ю.А. Сандулов (См.: Философия для аспирантов: учебник / под ред. И.И. Кального. 3-е изд. СПб., 2003. С. 18).

² См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2014.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1996.

⁵ Л.Н. Гумилев, в частности, сводит исторический процесс переселения и вражды народов к так называемой пассионарности (некой энергии, мутации), которая образуется естественным путем в результате развития того или иного этноса (этногенеза) и исчезает в ходе естественного отбора (См.: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2006. С. 162).

фы приписывали свойство разумности самой природе⁶.

Однако во все времена разумное будет определять поведение государственных деятелей, реализующих генеральную функцию государства — сохранение целостности общества. В этом смысле и злодейство, каковым выступала, например, оккупация Древней Руси татаро-монгольскими завоевателями, рассматривается Л.Н. Гумилевым как разумное благо для будущего Российского государства, как условие формирования славяно-монгольского этноса⁷. И все же в большинстве своем разумность опирается на традиции и условия существования конкретного общества: нововведения укореняются только благодаря ассимиляции их с культурой народа, проживающего на данной территории. По мысли А.В. Пиюка, например, формирование множества упрощенных и ускоренных производств в США обусловлено идеей быстрой наживы и, добавим, философией прагматизма переселенцев из Старого Света и их потомков⁸.

Подводя итог сказанному, определимся для дальнейших рассуждений с содержанием используемого нами понятия разумность. Таковой можно считать свойство человеческой деятельности (физической, мыслительной, психической), которое характеризуется направленностью на реализацию установки по обеспечению общественного единства в конкретных социокультурных и экономических условиях. Конечно же, мы допускаем появление и возобладание в обществе псевдоразумных установок под воздействием политической или идеологической пропаганды. В этом случае такая деятельность будет направлена во вред провозглашенной цели, однако, подобные мероприятия носят в большинстве своем временный характер и рано или поздно раскрывается их истинное лицо.

В силу размытости названных сущностных признаков разумного квалифицировать тот или иной процесс в соответствии с ними достаточно сложно. Вполне логично предположить, что разумное есть некая норма-образец, эталон, к которой должен стремиться каждый. Во многом он основан на уже сложившейся и часто повторяемой форме, однако, разумным может выступать также и качественное развитие такой эталонной системы.

В силу этого разумность интересует практически каждого исследователя на предмет определения правильности выбранного вектора развития некоего объекта. Здесь необходимо хорошо

разбираться в девиации — отклоняющемся поведении или состоянии, хорошо понимать, что без нее невозможно никакое изменение, в том числе в лучшую сторону.

Понятно, что видение стандартного условия: оно исчерпывает себя ровно в тот момент, когда стандартным становится нечто более совершенное, о котором уже сформированы новые представления. А поэтому в теории вероятности говорят о дисперсии как о мере рассеивания (отклонения) от среднего⁹.

Примечательно, что в ряде областей знания, в частности в медицинской статистике, речь ведут уже о стандартном отклонении, которое представляет собой квадратный корень из величины дисперсии¹⁰ и характеризует практически нормальное состояние изучаемого явления.

В дисциплинах гуманитарного профиля, традиционно изучающих отклоняющееся поведение, признается, что оно также является нормой и должно быть учтено при установлении новых или модернизации существующих социальных запретов¹¹. В рамках самостоятельного междисциплинарного знания девиантологии разрабатывают теоретические основы и методический аппарат, свойственный многим дисциплинам, изучающим отклоняющееся поведение на различных уровнях организации общественной жизни — индивидуальном, групповом общественном, государственном¹². Сюда можно отнести и криминологию, и медицину, и психологию, и психиатрию, и социологию, а также различные юридические дисциплины.

Отметим, что именно юридические науки по своему предназначению вынуждены априори сталкиваться с нарушением запрета, так как любая регулятивная деятельность, к сожалению, не порождает в сознании индивида непреодолимую потребность подчиняться всем предписаниям, напротив, гораздо чаще приходится иметь дело с большой вероятностью возникновения попыток преодоления установленного порядка поведения. Недаром известный русский правовед С.С. Алексеев называл в числе специальных закономерностей развития права совершенствование и упрочнение обеспечительных юридических механизмов¹³.

⁹ Подробнее об этом см: Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М., 1962. С. 92.

¹⁰ Для целей медицинской статистики используется также понятие стандартное отклонение, которое представляет собой квадратный корень из величины дисперсии (См.: Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. СПб.: Нева; М., 2002. С. 84

¹¹ См., напр.: Швец Д.С. Социальная норма и девиации: теоретический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.

¹² См.: Змановская Е.В., Рыбников М.Ю. Девиантное поведение личности и группы: учеб. пособие. СПб., 2011. С. 14.

¹³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. I М., 1981. С. 102.

⁶ В этом смысле достаточно вспомнить учение Аристотеля о разумности материи, природы (См.: Аристотель. Метафизика / пер. А.В. Кубицкого. М.; Л., 1934. С. 37).

⁷ См.: Гумилев Л.Н. Указ соч.

⁸ См.: Пиюк А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве РФ. М., 2013. С. 98.

Отсюда выглядит естественным вопрос о без- условном существовании нарушений правовых предписаний и в «жизни» процессуальных отраслей права. И это неудивительно еще и потому, что именно данные дисциплины изучают порядок действий государственных органов в случае нарушения требований и запретов материальных отраслей. Данное утверждение естественно справедливо и по отношению к уголовному процессу¹⁴.

Поэтому наша задача заключается в определении тех ориентиров, которые позволили бы квалифицировать ту или иную девиацию как опасную для системы или же, напротив, стандартную, если не сказать полезную для нормального развития системы, в нашем случае — уголовного судопроизводства.

Приходится констатировать, что ткань применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства пронизана симбиозом различных идей и подходов к пониманию, толкованию и объяснению конкретных правил поведения. «Шараханья» законодателя из стороны в сторону не делают ситуацию более спокойной. Эклектика различных точек зрения на сами принципы уголовного процесса стала скорее нормой правоприменения, чем инструментом научной дискуссии о судьбах уголовно-процессуального законодательства.

Действительно, за время проведения судебной реформы в нашей стране сменилось поколение юристов-практиков. Однако профессионально-моральный облик многих ответственных правоприменителей оставляет желать лучшего. Не случайно специалистами, задействованными в проекте фонда ИНДЕМ, посвященном изучению генезиса судебной власти в России, у российских судей выявлено явление импринтинга, характерного в большей степени для представителей животного мира. Оно наблюдается, в частности, у птенцов, которые способны рассматривать в качестве своих родителей первую птицу, встретившуюся им после появления из яйца. В нашем примере место этой птицы занимает председатель суда, которого рядовые судьи с самого начала своей профессиональной карьеры начинают рассматривать в качестве «благодетеля», «работодателя», а отказ от выполнения его «просьб» и «советов» в данной ситуации рассматривается как проявление нелояльности к патрону¹⁵.

Должны также вызывать тревогу утверждения Президента Федеральной палаты адвокатов по вопросу о причине системного кризиса в су-

дебной системе: «(таковой является) распространяемая, особенно среди работников правоохранительных органов, уверенность во всемогуществе уголовно-правового регулирования общественных отношений, в том, что легитимное (и подкрепляющее его нелегитимное) насилие представляет собой самый лучший способ решения любых конфликтных проблем»¹⁶.

На этом фоне наблюдается явный перекокс правоприменительной практики в угоду текущему моменту: ее непостоянство и нестабильность. Особенно опасно это для применения норм уголовного права, которые по своей формулировке должны исключать какие-либо сомнения у судей. Иное слишком опасно не только для конкретного гражданина, но и для внутреннего спокойствия всего общества.

Один из показательных примеров связан с толкованием ст. 172 УК РФ. Согласно бытовавшей, в частности, в 2010 и в 2013 г. судебной трактовке, субъектом данного преступления может быть лицо, занимающее должностное положение в банковской иерархии (например, руководитель или главный бухгалтер кредитной организации)¹⁷

Уже в 2014 г. обоснована прямо противоположная позиция, основанная на буквальном толковании этой уголовно-правовой нормы¹⁸.

Является достаточно «востребованной» в этом смысле норма ч. 1 ст. 75 УПК РФ, которая четко устанавливает, что любое нарушение уголовно-процессуального закона должно влечь признание доказательств недопустимыми.

Между тем практика значительно сужает случаи применения данного правила.

К примеру, несвоевременное (до проведения соответствующих исследований) ознакомление стороны защиты с постановлением о назначении экспертизы не может рассматриваться как нарушение закона в силу того, что «впоследствии стороны не были ограничены в реализации прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ»¹⁹.

Напротив, расширительное толкование ст. 75 УПК РФ продемонстрировано военной коллегией Верховного Суда РФ в определении от 11.03.2004 № 3-58/03, в котором, несмотря на отсутствие какого-либо правового регулирования, признаны недопустимыми доказательствами по-

¹⁴ Конечно же, мы согласны с утверждением И.Б. Михайловской о наличии у уголовного процесса гораздо более высоких целей (См.: Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 29.

¹⁵ Подробнее см.: Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб., 2010. С. 66.

¹⁶ Доклад Федеральной палаты адвокатов РФ «О проблемах правосудия и уголовной юстиции в Российской Федерации в связи с обеспечением прав и свобод граждан». URL: http://www.fparf.ru/doklad/pravosud_ugolov_usti.htm (дата обращения — 4 октября 2014 г.).

¹⁷ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.09.2010 № 5-О10-235; Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 25.11.2013 № 10-10266 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸ Постановление Московского городского суда от 18.04.2014 № 4у/2-1828 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 23.04.2014 № 46-АПУ14-14 // СПС «Консультант Плюс».

казания лица, в отношении которого всего лишь назначена психолого-психиатрическая экспертиза по уголовному делу²⁰.

В свою очередь, Московский областной суд посчитал возможным со ссылкой на рассматриваемую норму исключить из числа допустимых доказательств заключения специалиста, участвовавшего в допросе потерпевших с использованием полиграфа, в силу того, что действующим законодательством возможность проведения следственных действия с применением данного технического устройства не предусмотрена²¹.

Каждый правоприменитель может вспомнить сотни подобных случаев. В этом смысле «уголовной» юстиции фору дадут цивилисты. Так, например, в СПС «Консультант Плюс» включены различного рода путеводители (по налогам, по трудовым спорам и т.д.), пестрящие примерами с противоположными решениями судов различного уровня по одним и тем же вопросам.

Тем самым можно сделать промежуточный вывод: в настоящее время на практике достичь повсеместного формального применения закона не удастся, даже если речь заходит об императивных предписаниях законодателя. Обусловлено это или несовершенством закона или же несовершенством правоприменителя. Иногда отход от формализма играет даже в пользу сохранения целостности общества.

Многим известно, что активное участие в разработке действующего в настоящее время УПК РФ принимали представители Американской ассоциации юристов, действовавшей при финансовой поддержке Правительства США в лице Агентства по международному сотрудничеству (USAID). В 2012 г. деятельность этой организации была запрещена ввиду недопустимости финансирования некоммерческих организаций из-за рубежа²². По нашему мнению, буквальное применение процессуального закона на территории нашей страны привело бы коллапсу всей правоохранительной системы. В этом смысле является справедливым утверждение Э.Ф. Побегайло о невозможности бороться с преступностью слишком мягкими средствами, о недопустимости инсинуаций с основной задачей суда, которая заключается в установлении истины²³. На первое место бы встали не смысл уголовно-процессуальной нормы, а необходимость соблюде-

ния бессмысленного обряда²⁴. Показателен пример, приведенный А.Я. Вышинским в ходе критики английского классического процесса: «В 1827 г. одна женщина была обвинена в детоубийстве, но оправдана на том основании, что в протоколе осмотра мертвого тела присяжные “своею клятвою” (the jurors our Lord the King upon their oath present that...) заверяли, что произошло то-то и то-то. А между тем было 13 присяжных, которые принесли не одну, а тринадцать клятв, поэтому в протоколе следовало написать не в единственном числе — “their oath”, а во множественном числе — “their’ oaths”»²⁵.

Ожидания западных специалистов были связаны с усилением роли адвокатуры в уголовном процессе, а также необходимостью буквального соблюдения норм об уважении прав человека, даже вопреки национальным интересам²⁶. Надежды не оправдались: в России демонстрируется из года в год значительный процент вынесения российскими судами обвинительных приговоров по отдельным составам преступлений. Так, из 5 755 уголовных дел (в отношении 6 227 лиц) об убийствах без смягчающих обстоятельств, поступивших в суды общей юрисдикции в первом полугодии 2014 г., оправдано лишь 47 человек (0,75 %). Что же касается числа оправданных в соотношении с общим числом лиц, в отношении которых вынесен приговор, то доля таких граждан относительно мошенничества (ст. 159–159⁶ УК РФ) составляет также 0,75 %, преступлений в сфере экономики (ст. 169–199² УК РФ) — 0,9 %, а по делам о террористических актах оправдательных приговоров не выносилось²⁷.

В условиях существующей системы права вполне естественным выглядит поиск ориентиров в решениях высших судов, и прежде всего в последней инстанции разрешения юридического спора — в Конституционном Суде РФ, уполномоченном официально толковать Основной закон государства. Однако большинство споров, затрагивающих уголовно-процессуальные правоотношения, могут быть разрешены только после обращения к гл. 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина», состоящей в большинстве своем из неконкретизированных норм-принципов, истолкование которых в том или ином деле может звучать прямо противо-

²⁴ Чего только стоит требование о признании недопустимым любого доказательства, полученного с малейшим отступлением от требований закона.

²⁵ Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 79.

²⁶ См.: Kramer M. Rights and Restraints in Russia's Criminal Justice System Preliminary Results of the New Criminal Procedural Code // Program on New Approaches to Russian Security. 2003. May. URL: www.ponarseurasia.org (дата обращения — 1 ноября 2014 г.).

²⁷ Данные приведены на основе анализа статистической информации, размещенной на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: www.cdep.ru. (дата обращения — 1 ноября 2014 г.).

²⁰ СПС «Консультант Плюс».

²¹ Апелляционное определение Московского областного суда от 21.08.2014 по делу № 22-2047 // СПС «Консультант Плюс».

²² Подробнее см.: Габуев А., Барабанов И., Черненко Е. Россию оставят неразвивающейся страной. США прекращают работу USAID. URL: www.kommersant.ru/doc/2025657. (дата обращения — 23 ноября 2014 г.).

²³ Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Криминология. 2006. № 2. С. 51.

положно. Прямым доказательством сказанному являются активное использование судьями Конституционного Суда РФ института особого мнения. За все время деятельности высшего органа конституционного надзора высказано было свыше 123 особых мнений при вынесении Конституционным Судом решений в форме постановлений, из них 13 — по вопросам проверки конституционности отдельных статей УПК РФ²⁸.

Не отличаются постоянством правовые подходы, демонстрируемые Конституционным Судом РФ на протяжении своей многолетней деятельности.

Так, в современных условиях выглядит анахронизмом постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.1997 № 8-П «По делу о проверке конституционности п. 4 и 6 ст. 242 и ст. 280 Таможенного кодекса РФ»²⁹, в соответствии с которым применение конфискации имущества по решению должностного лица таможенного органа как меры наказания за выявленное правонарушение не противоречит Конституции РФ. Данный вывод обусловлен возможностью последующего судебного обжалования данного решения. В то же время при аналогичной ситуации, возникающей в сфере уголовного судопроизводства, когда, правда, речь идет лишь о временном ограничении имущественных прав при наложении ареста на имущества, аналогичного последующего судебного контроля Конституционному Суду РФ не достаточно: требуется установление перманентного режима судебной проверки достаточности основания для введенных опять же по решению суда имущественных ограничений³⁰.

В свете сказанного отметим, что в США, к примеру, является юридической идиомой фраза: «Конституция представляет из себя то, что о ней говорят юристы»³¹. Исторически же свобода судебного усмотрения была поддержана буржуазными революциями, победившими феодальный строй и абсолютизм. Если последний опирался на теорию формальных доказательств как средство борьбы с местничеством, то зарождающему классу буржуазии было выгодно преодолеть социальное неравенство посредством обращения к свободному от условностей суду³².

²⁸ Числовые показатели получены с использованием СПС «Консультант Плюс».

²⁹ СПС «Консультант Плюс»

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А.Шевченко и М.П. Эйдлена» // СПС «Консультант Плюс».

³¹ См. подробнее: Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993. С. 151.

³² Блестящий анализ этого процесса приведен в работе А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств» (М., 1941. С. 80–89).

Действительно, уход от формальных требований закона генетически близок сложившемуся в 1990-е гг. в нашей стране строю.

Поэтому выглядит не случайным появление на книжных полках литературы, посвященной методическим проблемам обхода закона³³. Вполне в духе времени написано диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора юридических наук Л.В. Яковлевой, которая впрочем с некоторой осторожностью относит к числу источников уголовно-процессуального права судебные прецеденты в виде постановлений Пленума Верховного Суда РФ³⁴. А в своей докторской диссертации С.М. Даровских прямо указывает на необходимость введения в УПК РФ нормы, предоставляющей суду возможность аргументировать приговор ссылками на правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека³⁵.

Отметим, что сложившаяся ситуация все еще требует серьезного научного осмысления, ведь судьям и иным правоприменителям необходимо опираться на некие правила, которые позволили бы им оставаться в русле заданной государством уголовной политики. Россия — страна с континентально-европейской системой права, писаных норм о нормативном приоритете решений судов высших инстанций в ее законодательстве нет.

В то же время буквальное соблюдение закона у нас, как уже отмечалось, также не стало панацеей: может возникнуть стремление по-разному истолковать закон, не выходя за пределы юридического формализма.

Подобная неуравновешенность практики, отсутствие ориентиров приводят ученых к мыслям об обреченности юриспруденции: на страницах представительных юридических изданий все чаще звучат мысли о кризисе юриспруденции в целом³⁶, а также закона как такового³⁷, идут споры о перспективах доктрины в отдельных отраслях права³⁸.

³³ См.: Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М., 2008.

³⁴ См.: Яковлева Л.В. Источники российского уголовно-процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. С. 13.

³⁵ См.: Даровских С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 13.

³⁶ См., напр.: Карташов В.Н. Кризис юридической методологии на современном этапе развития науки // Материалы Всерос. науч. конф., посвященные 200-летию Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2003. С. 89–93.

³⁷ См.: Бочкарев С.А. О девальвации рубля и уголовного закона // Проблемы права. 2010. № 2. С. 102–109.

³⁸ См.: Наумов А.В. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138; Лепс А. Кризис юридической науки, в том числе криминологии // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2011. № 20. С. 30–39.

Похожая риторика уже встречалась ранее, в памяти сразу же всплывает череда диссертационных работ советских времен, посвященных кризису капиталистического права в самых различных его проявлениях³⁹.

Оригинальные мысли учеными высказываются и о судьбах современного уголовно-процессуального права⁴⁰, а приговор одного из представителей научной элиты обрекает на уныние: «плохое знание русской правовой культуры и невежество в отношении западной — вот объяснение сегодняшнего плачевного положения дел в науке»⁴¹.

Как справедливо заметил Д.А. Керимов, мысль о глубоком кризисе доктринальной литературы в нашем Отечестве «гложет» умы правоведов на протяжении ни одной сотни лет: ученым приводятся актуальные до сегодняшних дней цитаты из работ отечественных юристов Д.И. Каченовского и С.В. Пахмана, опубликованные еще в позапрошлом веке, о бессмысленности многих публикаций в научных изданиях на правовые темы⁴².

По мнению дореволюционного философа-правоведа П.И. Новгородцева⁴³, великим русским писателем графом Л.Н. Толстым обвинительный приговор государству и праву был вынесен исходя из общей неустроенности общественной жизни в Российской империи в начале прошлого века. Преодоление отсталости возможно только благодаря построению «царства разума», основанного на уважении роли каждой отдельной личности.

С высоты XXI в. с этим призывом не поспоришь. Ведь в советский период гуманитарное знание «пережило» достаточно сложное время. В публицистическом по своему содержанию очерке о юридической реальности современной России особо отмечается, что кризис отечественного правоведения обусловлен структурным кризисом права Союза ССР с его подчинением власти всей системы правовых норм. Особенно жестоким нападкам подвергаются руководители Института государства и права АН СССР и РАН.

³⁹ К примеру, кризису уголовного процесса посвящена работа В.А. Ковалева. См.: Ковалев В.А. Кризис законности в буржуазном уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981.

⁴⁰ См., напр., статью директора института права Волгоградского государственного университета: Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103.

⁴¹ Александров А.С. Духless русского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 6.

⁴² См.: Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М. 2009. С. 496–497.

⁴³ См.: Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 16–17.

Юридическая наука называется автором мысленным полосканием⁴⁴.

Не соглашаясь с В. Левченко в целом, отметим, что доля истины в его утверждениях присутствует, о чем свидетельствуют основания начавшейся относительно недавно реформы порядка присуждения ученых степеней и званий. Руководством страны упор сделан на повышении востребованности публикаций для широкой массы специалистов. Так, в соответствии с п. 13 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842⁴⁵, при принятии решения о выходе на защиту докторских диссертаций требуется не менее 15 публикаций в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Претенденты на ученое звание профессора должны иметь не менее 50 таких работ⁴⁶.

Однако окончательно проблема качества научных публикаций, видимо, не разрешится. Всегда есть опасность появления, с одной стороны, «научных уток» (работ, имеющих лишь кричащие названия и лишенных глубокого научного анализа исследуемого материала), а с другой — формальных отписок, представляющих собой лишь внешние атрибуты научной статьи.

Научному сообществу необходимо выработать критерии научности публикации для каждой отрасли знаний, определить научные приоритеты из числа проблем, которыми живет общество, государство и в целом человечество. При этом консервативный или сверхлиберальный перекокс здесь одинаково вреден.

Порядок научной дискуссии о праве жесткой регламентации поддается редко. Ярким подтверждением сказанному является факт отсутствия в науке уголовно-процессуального права⁴⁷ научных школ. Попытка придать неформальной общественной организации «Нижегородская школа процессуалистов»⁴⁸ статус научной школы уголовного процесса, на наш взгляд, обречена на неудачу ввиду отсутствия ее институциональных атрибутов: единого для всех лидера и строгого подчинения его воле всех ученых, входящих в данное сообщество.

Представляется, что в науке уголовного процесса будут все большее значение приобретать доля исследований на стыке уголовно-процессу-

⁴⁴ См.: Левченко В. Природа, закон и рабство в России. М., 2005. С. 150.

⁴⁵ СПС «Консультант Плюс».

⁴⁶ П. 9 Положения о присвоении ученых званий, утверждено постановлением Правительства РФ от 10.12.2013 № 1139 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁷ Это утверждение справедливо и в отношении научных изысканий большинства иных отраслей права.

⁴⁸ См. подробнее: Поляков М.П. Нижегородская школа процессуалистов // Уголовный процесс. Проблемные лекции: учебник для магистров / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013. С. 20–26.

ального права и теории права, философии, социологии, других дисциплин. Обусловлен данный прогноз-предположение описанным выше процессом отхода от формализма в правоприменительной практике в пользу построения неких конструкций, обосновывающих свободу судебного усмотрения. Не требует доказательства тот факт, что написать для судьи подробную инструкцию об образе действий в условиях многовариантного производства по уголовным делам невозможно.

Выход из ситуации видится в провозглашении неких принципов, описывающих закономерности развития права, которыми будет руководствоваться конкретный служитель Фемиды. На одно из ведущих мест здесь претендует рассматриваемый принцип разумности, являющийся по своему качеству общеправовым. Данное предположение в целом вписывается в уже сложившуюся научную картину современного уголовного судопроизводства. Так, в авторитетном научном издании профессор Н.А. Власенко прямо говорит, что разумность, являясь неписаным принципом процесса, и для целей обеспечения правосудия определяется как способ ограничения судебного усмотрения⁴⁹.

Действительно, успех научной разработки принципов подтолкнет развитие юридической педагогики, что, в свою очередь, приведет к появлению Личности правоприменителя.

Должностные лица с такой подготовкой, задействованные в уголовном процессе, безусловно, будут видеть приоритеты не в соблюдении должностной инструкции и подготовке надлежащего отчета, а в обеспечении непосредственного действия Конституции РФ при условии учета результатов толкования ее текста в решениях Конституционного Суда РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, фундаментальных норм уголовно-процессуального законодательства. Представляется, что на первое место выйдут не сухие формулировки статьи закона, а дыхание жизни в ее конкретно-юридическом применении.

Несмотря на многие препятствия, встречающиеся на пути движения к заветной цели, анализ направленности квинтэссенции Основного закона свидетельствует о том, что Россия может добиться построения истинно демократического уголовного судопроизводства по западному образцу⁵⁰. Однако бездумное и неразумное копирование пройденного другими вряд ли уместно.

⁴⁹ См.: Власенко Н.А. Разумность как принцип правосудия // Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012. С. 218.

⁵⁰ В этом смысле демократия есть не то, что мы видим в современных странах западной цивилизации (подробнее см.: Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2014. С. 27.

Список литературы:

1. Александров А.С. Духless русского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 2–13
2. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. I. М., 1981. 361 с.
3. Аристотель. Метафизика / пер. А.В. Кубицкого. М.; Л., 1934. 348 с.
4. Бочкарев С.А. О девальвации рубля и уголовного закона // Проблемы права. 2010. № 2. С. 102–109.
5. Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М., 1962. 464 с.
6. Власенко Н.А. Разумность как принцип правосудия // Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012. 704 с.
7. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств. М., 1941. 220 с.
8. Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб., 2010. 480 с.
9. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2006. 735 с.
10. Даровских С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 380 с.
11. Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103.
12. Змановская Е.В., Рыбников М.Ю. Девиантное поведение личности и группы: учеб. пособие. СПб., 2011. 352 с.
13. Кальной И.И., Сандулов Ю.А. Философия для аспирантов: учебник. 3-е изд. СПб., 2003. 512 с.
14. Карташов В.Н. Кризис юридической методологии на современном этапе развития науки // Материалы Всерос. науч. конф., посвященные 200-летию Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова: Юрид. науки. (30–31 окт. 2003 г.). Ярославль, 2003. С. 89–93.
15. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории: монография. М., 2014. 192 с.
16. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М., 2009. 521 с.
17. Ковалев В.А. Кризис законности в буржуазном уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981. 203 с.
18. Левченко В. Природа, закон и рабство в России. М., 2005. 240 с.
19. Лепс А. Кризис юридической науки, в том числе криминологии // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2011. № 20. С. 30–39.
20. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. 144 с.
21. Наумов А.В. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138.
22. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. 269 с.
23. Пилюк А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве РФ. М., 2013. 264 с.
24. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Криминология. 2006. № 2. С. 42–69.
25. Поляков М.П. Нижегородская школа процессуалистов // Уголовный процесс. Проблемные лекции: учебник для магистров / под ред. В.Т. Томина и И.А. Зинченко. М., 2013. 799 с.
26. Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М., 2008. 188 с.
27. Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993. 286 с.
28. Швеиц Д.С. Социальная норма и девиации: теоретический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 148 с.
29. Яковлева Л.В. Источники российского уголовно-процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 235 с.

Rationality as a Means of Formalism in Science and Practice (criminal procedural aspect)

Tymoshenko A.A.

PhD in Law, associate professor of the Academy
of the Prosecutor General of the Russian Federation,
Deputy Chief editor of the magazine «Russian Journal of Legal Studies»
E-mail: antimu@yandex.ru

Abstract. *The article deals with the use of reasonable categories in the science and practice of criminal justice. It is proposed not to allow the formalization of criminal procedural activities.*

Keywords: *reasonableness, criminal justice, formalism in law.*

References:

1. Aleksandrov A.S. Duhless russkogo ugolovno-processual'nogo prava // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2010. № 1. S. 2–13
2. Alekseev S.S. Obshaya teoriya prava: v 2 t. T. I. M.: Yurid. lit. 1981. 361 s.
3. Aristotel'. Metafizika / per. A.V. Kubickogo. M.; L., 1934. 348 s.
4. Bochkarev S.A. O deval'vacii rublya i ugolovnogo zakona // Problemy prava. 2010. № 2. S. 102–109.
5. Ventcel' E.S. Teoriya veroyatnostei. M., 1962. 464 s.
6. Vlasenko N.A. Razumnost' kak princip pravosudiya // Pravosudie v sovremennom mire: monografiya / pod red. V.M. Lebedeva, T.Ya. Habrievoi. M., 2012. 704 s.
7. Vyshinskii A.Ya. Teoriya sudebnyh dokazatel'stv. M., 1941. 220 s.
8. Gorbuz A.K., Krasnov M.A., Mishina E.A., Satarov G.A. Transformaciya rossiiskoi sudebnoi vlasti. Opyt kompleksnogo analiza. SPb., 2010. 480 s.
9. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i Velikaya step'. M., 2006. 735 s.
10. Darovskih S.M. Sudebnye pravovye pozicii v ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie osnovy i processual'nye formy: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1999. 380 s.
11. Dikarev I.S. Ugolovnyi process: «tihaya revolyuciya» smenilas' reakciei // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Yurisprudenciya. 2013. № 3. S. 98–103.
12. Zmanovskaya E.V., Rybnikov M.Yu. Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy: ucheb. posobie. SPb., 2011. 352 s.
13. Kal'noi I.I., Sandulov Yu.A. Filosofiya dlya aspirantov: uchebnik. 3-e izd. SPb., 2003. 512 s.
14. Kartashov V.N. Krizis yuridicheskoi metodologii na sovremennom etape razvitiya nauki // Materialy Vseros. nauch. Konf., posvyashennye 200-letiyu Yaroslav. gos. un-ta im. P.G. Demidova: Yurid. nauki. (30–31 okt. 2003 g.). Yaroslavl', 2003. S. 89–93.
15. Kerimov A.D. Gosudarstvennaya organizaciya obshestvennoi zhiznedeyatel'nosti: voprosy teorii: monografiya. M., 2014. 192 s.
16. Kerimov D.A. Metodologiya prava: Predmet, funkcii, problemy filosofii prava. 5-e izd. M., 2009. 521 s.
17. Kovalev V.A. Krizis zakonnosti v burzhuaznom ugolovnom processe: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1981. 203 s.
18. Levchenko V. Priroda, zakon i rabstvo v Rossii. M., 2005. 240 s.
19. Leps A. Krizis yuridicheskoi nauki, v tom chisle kriminologii // Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra. 2011. № 20. S. 30–39.
20. Mihailovskaya I.B. Celi, funkcii i principy rossiiskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-processual'naya forma). M., 2003. 144 s.
21. Naumov A.V. Otkrytoe pis'mo professora A.V. Naumova akademiku V.N. Kudryavcevu // Ugolovnoe pravo. 2006. № 4. S. 135–138.
22. Novgorodcev P.I. Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. M., 1996. 269 s.
23. Piyuk A.V. Tipologiya sovremennogo ugolovnogo procesa i problemy primeneniya uproshennyh form razresheniya ugolovnyh del v sudoproizvodstve RF. M., 2013. 264 s.
24. Pobegailo E.F. Krizis sovremennoi rossiiskoi ugolovnoi politiki // Kriminologiya. 2006. № 2. S. 42–69.
25. Polyakov M.P. Nizhegorodskaya shkola processualistov // Ugolovnyi process. Problemnye lektsii: uchebnik dlya magistrrov / pod red. V.T. Tomina i I.A. Zinchenko. M., 2013. 799 s.
26. Suvorov E.D. Obhod zakona. Sdelka, oformlyayushaya obhod zakona. M., 2008. 188 s.
27. Fridmen L. Vvedenie v amerikanskoe pravo. M., 1993. 286 s.
28. Shvec D.S. Social'naya norma i deviacii: teoreticheskii analiz: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2006. 148 s.
29. Yakovleva L.V. Istochniki rossiiskogo ugolovno-processual'nogo prava: dis. d-ra yurid. nauk. SPb., 1999. 235 s.